

Русистика и компаративистика. 2022. Вып. XVI. С. 131–144
Russian Philology and Comparative Studies. 2022. (XVI): 131–144

Научная статья

УДК 81–2

DOI: <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2022.16.07>

ОТ МУЖА К МУЖИКУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОСЛОВНОГО НАИМЕНОВАНИЯ

Александр Валерьевич Алексеев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
avalekseev74@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этимология и древнерусская история слов *муж* и *музык*. Лексическое значение слова *муж* анализируется в диахронии, от значения исходного этимона до предметно-образного значения древнерусского периода. Учитываются символические значения слова *муж* и его культурная значимость. Производится структурно-семантический анализ лексических единиц и контекстуальный анализ памятников древнерусской письменности. Слово *музык* определяется как новая номинация, возникшая в результате дифференциации синкретичного образа слова *муж*.

Ключевые слова: древнерусский язык, старорусский язык, лексическая семантика, символические значения, культурная значимость слова.

Для цитирования: Алексеев А.В. От мужа к мужику: трансформация сословного наименования // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XVI. М.: Книгодел, 2022. С. 131–144. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2022.16.07>.

Original article

FROM MUZH TO MUZHİK: TRANSFORMATION OF THE ESTATE NAME

Aleksandr Valeryevich Alekseev

Moscow City University, Moscow, Russia, avalekseev74@yandex.ru

Abstract. The article discusses the etymology and ancient Russian history of the words *muzh* and *muzhik*. The lexical meaning of the word *muzh* is analyzed

in diachrony, from the etymology to the meaning of the Old Russian period. The symbolic meanings of the word *muzh* and its cultural significance are taken into account. The structural and semantic analysis of ancient Russian words and contextual analysis are carried out. The word *muzhik* is defined as a new nomination that arose as a result of the differentiation of the syncretic image of the word *muzh*.

Keywords: Ancient Russian language, Old Russian language, lexical semantics, symbolic meanings, cultural significance of the word.

For citation: Alekseev A.V. (2022). From muzh to muzhik: transformation of the estate name. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of scientific works on philology*. Chief editor S.A. Vasilyev. Vol. 16. Moscow: Knigodel, 2022. Pp. 131–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2022.16.07>.

© Алексеев А.В., 2022

Введение (цель, материал исследования, методология). Слово *му́ж* — одно из древнейших в русском лексиконе: оно широко употреблялось в древнерусской письменности, известно во всех славянских языках и восходит даже не к праиндоевропейскому периоду, а к еще более ранней ностратической праязыковой общности. В статье рассматриваются этимология и древнерусская история слов *му́ж* и *му́жик*. Лексическое значение слова *му́ж* анализируется в диахронии, от значения исходного этимона до предметно-образного значения древнерусского периода. Учитываются символические значения слова *му́ж* и его культурная значимость. Производится структурно-семантический анализ лексических единиц и контекстуальный анализ памятников древнерусской письменности. Слово *му́жик* определяется как новая номинация, возникшая в результате дифференциации синкретичного образа слова *му́ж*.

Основная часть. Общеславянская форма *мъжь* образована от индоевропейского корня **man* (праформа **mangios*), в современном русском языке тот же корень представлен в словах *память*, *помянуть*, *мнить*, *мниться* (**mъn*). Праславянский суффикс **-g-* оформлял именную основу, образованную от глагола, который имел, видимо, широкое ментальное значение — **men* ‘мыслить, думать’ [Этимологический... 1974: 20; 160]. Таким образом, внутренняя форма общеславянского слова *мъжь* — ‘тот, кто мыслит’. В других индоевропейских языках суффиксальный элемент **-g-* в большинстве случаев отсутствует: в готском *mann* ‘человек’ (соответствия имеются и в других германских языках, в том числе современных), в авестийском *manuš* (соответствия также в других индоиранских языках), имя родоначальника фригийцев — Μάνης [Фасмер 1986: 2: 670; Черных 1993: 2: 547]. Литовские формы *žmogùs* ‘человек’ и *žmónės* ‘люди’ [Фасмер 1986: 2: 671] свидетельствуют о том, что основа с расширением

*-g- появилась уже в балто-славянский период. Несмотря на то, что праиндоевропейское слово **tan-и* выглядит диалектно ограниченным, оно обнаруживает параллели в ностратической макросемье (уральские и дравидийские языки) и даже в еще более глубоких этимологиях [Вавилонская...]. Следовательно, германо-балто-славянская и индоиранская изоглоссы отражают в данном случае пласт древнейшей индоевропейской лексики.

При переводе церковных текстов славянское *мжжь* в большинстве случаев стало заменой греческого слова *ἀνήρ*. Библейские примеры, приводимые старославянским словарем, почти всегда имеют именно такое греческое соответствие: 1) *четыри тыс.ашта мжжь развь женъ* в Мф. 15:38 — *ἄνδρες*; 2) *блаженъ мжжь* в Пс. 31:2 — *μακάριος ἀνήρ*; *мжжи крвыи льстиви* в Пс. 54:26 — *ἄνδρες*; 3) *нсть ти мжжь* в Ин. 4:18 — *ἀνήρ* [Старославянский... 1994: 342; Новый...; Септуагинта...] (здесь не рассмотрены двусоставные номинации *мжжь и жена*, *цъсарь мжжь*). Старославянский словарь фиксирует то, что славянское *мжжь* и греческое *ἀνήρ* соответствовали друг другу во всех трех значениях: ‘человек’ (2), ‘мужчина’ (1), ‘супруг’ (3). Однако для славянского слова, судя по его внутренней форме, исходным было значение (2), в значения (1) и (3) стали результатом семантической филиации. Первоначально семемы (1) и (3) составляли общеславянскую культурную значимость слова *мжжь* ‘тот, кто мыслит, то есть человек’ → ‘полноправный человек => прежде всего мужчина как активный деятель, хозяин, глава дома, супруг’ (знак «→» указывает на семантическую филиацию в диахронии, знак «=>» — на соотношение означающего и означаемого в синхронии).

Греческое слово *ἀνήρ* обладает иной внутренней формой. Для этого корня предлагается праиндоевропейская реконструкция **hner* [Beekes 2010: 103], и существующие родственные формы указывают на актуальность в исходном значении именно признаков маскулинности. Здесь важны греческие слова *ἀνδρεία* ‘мужество, отвага, доблесть; подвиг, доблестный поступок’, *ἀνδρεῖος* ‘мужской; мужского пола; мужественный, отважный; дерзкий’, *ἀνδρομανής* ‘одержимая неистовой страстью к мужчинам, болезненно похотливая’ [Дворецкий 1958: 138–139] и многие другие. Соответствия греческому слову, имеющие значения ‘мужчина, важный человек’ отмечены в армянском, албанском, итальянских языках [Frisk 1960: 108]. Праиндоевропейский корень, к которому восходит данное слово, имел значение ‘жизненная энергия’; к тому же корню относятся современные русские слова *нрав, норов* (**norv-*) [Pokorny 1959: 765]. Таким образом, внутренняя форма греческого *ἀνήρ* — ‘исполненный жизненной энергии, активный деятель, проявляющий силу и волю’. Направление семантической филиации греческого слова оказывается, таким образом, противоположным по сравнению со славянским *моужь*: не от ‘человека’ к ‘мужчине’, как у славян и у многих других индоевропейцев, а от ‘муж-

чины' к 'человеку'. Отметим, что такое отступление от древнейшей традиции обозначения человека, вероятно, отражает ареальную общность в пределах средиземноморско-переднеазиатского региона, где, в частности, происходили военные столкновения индоевропейцев с предшествующими неолитическими цивилизациями.

В славянских переводных текстах наблюдается семантическое сближение слов *âvŭr* и *моужь*, в результате *моужь* могло свободно выражать вторичное для него значение 'мужчина, супруг'. Например, в библейском тексте славянское *мжжъ* заменяло в переводе и другое греческое слово, более специализированное для передачи маскулинных признаков: *мжжа і женж* в Мк. 10:6 [Старославянский... 1994: 342] — *ἄρσεν καὶ θήλυ* [Новый...]. Греческое *ἄρσεν*, *θήλυ* имело значения 'принадлежащий к мужскому полу, мужественный, сильный; самец' [Вейсман 1899: 199–200]. Сохранение архаичных семантических особенностей славянской номинации следует ожидать в оригинальных древнерусских текстах, в минимальной степени подверженных церковнославянскому влиянию. Исходный характер семемы 'человек' у слова *моужь* подтверждается его употреблением в Русской Правде. Основным значением, которое реализуется в этом тексте, является *моужь* '(достойный) человек', ср.: *Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ* [Правда 1940: 1: 104]; *Иванка Чюдиновича Ёлгова мужа* [Правда 1940: 1: 110]. В приведенных примерах *мужи* наряду с князьями оказываются законодателями, составителями Русской Правды, то есть это не просто свободные люди, но люди, обладающие значительными правами, приближенные князя. Допустимо предположить, что формула «правитель и мужи» отражает древнейшее символическое значение праславянского периода, определяемое внутренней формой слова *моужь*: 'свободный, достойный человек => тот, кто способен мыслить, думать (советаться), говорить, принимать решения'.

Далее в нескольких, в том числе исходных, статьях Русской Правды термином *моужь* обозначается городской прежде всего житель, свободный в правовом, политическом и экономическом отношениях. Данный термин используется в тексте в качестве своеобразного юридического эквивалента, как средство уравнивать права потенциальных участников конфликта: (*аже*) *оубьеть моужь моужа, то мьстить...* [Правда 1940: 1: 70, 104]; *аще ли ринеть (попънеть) моужь моужа* [Правда 1940: 1: 70, 106]; *ити емоу на изводъ пред 12 моужа* [Правда 1940: 1: 79]. Конкретное содержание синкретичного образа *моужь* определяется путем перечисления категорий лиц, за которых выплачивается стандартная или уточненная вира, причем список этот оказывается не замкнутым и не вполне определенным. Ср. в Академическом I списке Краткой Редакции: *роусинъ, гридинъ, коупчина, абетникъ, мечникъ, изгои, словенинъ* в первой статье [Правда 1940: 1: 70], в последующих статьях этот список расширяется: *варагъ или колблагъ*

[Правда 1940: 1: 70], *боярин, или людин, или варягъ* [Правда 1940: 1: 269], *аще оубьють огнищанина... въ князи тивоунъ... конюхъ старыи* [Правда 1940: 1: 71]. В последнем случае продолжение развернутого сословного списка требует отдельного комментария, поскольку далее за «конюхом старым» следует нисходящая линия «мужей» и доведение суммы штрафа за убийство до минимума (см. ниже). В Пространной Редакции список мужей в первой статье расширяется указанием особо значимых лиц, за которых выплачивается двойная сумма виры: *князь мужь или тиоуна княжа*, основной список также оказывается несколько отличным: *русинь, или гридь, любо купець, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словънинь* [Правда 1940: 1: 104], общим обозначением для всех рядовых мужей оказывается используемый чуть ниже, в третьей статье того же списка, термин *людинь*. В некоторых списках вместо *русина* или параллельно с ним указан *горожанинь*, например в Пушкинском списке XIV века: *ачи будеть горожанинь, либо гридинь* [Правда 1940: 1: 282].

В древнерусском тексте юридический термин *мужь* выражает не понятие, как мы ожидали бы в современном русском языке, а синкретичный образ. Понятие образуется ограниченным списком различительных признаков, обязательных и не избыточных, поэтому объем понятия строго фиксирован. Отличительные признаки образа составляют открытый список и уточняются в контексте, поэтому объем образа не является определенным, он может расширяться в конкретных случаях. В функциональном смысле в древнерусском языке наблюдается «синтез образа и понятия, т.е. осознанный образ или, точнее, образное понятие порождает символическое значение» [Колесов 2002: 54]. Таким образом, сословные категории определялись символическими значениями слова. Это подтверждается практикой применения в Русской Правде термина *мужь*: социальные группы *горожанинь, людинь, абетникъ* или *тивунъ*, а также прочие (см. выше) включаются в его границы вариативно, видимо, в связи с изменением исторического контекста. В определенных случаях объем понятия может даже расширяться за счет включения единичных, уникальных объектов: *А конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставиль Изаславъ въ своемъ конюшь, его же оубиль Дорогободуьци* [Правда 1940: 1: 71]. Известно, что «источником символического значения может быть этимон слова» [Якушевич 2020: 172]. Исходным ядром синкретичного образа слова *мужь* являлся символический признак внутренней формы — ‘мыслящий, способный принимать решения’; применением этого признака, то есть символического значения слова, к различным ситуациям определялось расширение смыслового объема слова *мужь*. Те признаки, которые оказались наиболее устойчивыми в истории слова и воспринимаются с современной точки зрения как признаки понятия, также определялись реализацией в конкретных контекстах. Наиболее существенным признаком фор-

мирующегося понятия, как уже указано, был признак ‘свободный (прежде всего в социальном отношении)’, и этот признак эксплицировался специальными контекстами: *или холопъ оударить свободна мужа* [Правда 1940: 1: 71]. Семантический признак ‘свободный’ актуализируется здесь за счет лексического противопоставления *моужь — холопъ*.

Различительные признаки, которыми формируется современное понятие «муж», также определяются контекстом. Для выделения признаков ‘мужской пол’ и ‘вступивший в брак’ требуется противопоставление *моужь — жена*, которое реализуется в соответствующих статьях Русской Правды. Ср. *моужь* ‘мужчина’: *аже кто оубиет жену, то тѣм же судомъ судити, яко же и мужа* [Правда 1940: 1: 114]; *моужь* ‘супруг’: *аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа* [Правда 1940: 1: 114]. Однако в древнерусский период дифференциация трех понятий, соотносимых со словом *моужь*, видимо, не была еще завершена — семемы ‘мужчина’ и ‘супруг’ должны рассматриваться как имплицатуры по отношению к семеме ‘человек’ в пределах синкретичного образа. На сохраняющееся единство образа указывают контексты Русской Правды, содержащие примеры лексической диффузности, то есть совмещения двух значений. Ср. ‘свободный человек + супруг’: *аже будутъ роббы дѣти оу мужа, то задници имѣ не имати...* [Правда 1940: 1: 115]; ‘мужчина + супруг’: *аже будутъ двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего* [Правда 1940: 1: 115]. Выделение самостоятельной семемы ‘супруг’ первоначально происходило в специальных синтаксических моделях, в определенных предложно-падежных формах, то есть это значение было конструктивно ограниченным: *по мужи, за моужь*, ср. выше, а также: *аже жена ворчеться съдѣти по мужи, а ростерлаеть добытокъ и поидеть за мужь, то платити ей все дѣтемъ...* [Правда 1940: 1: 115]; *аже будутъ в дому дѣти мали... а мати имѣ поидеть за мужь* [Правда 1940: 1: 115]; *аже будетъ сестра в домоу, то тои задницѣ не имати, но отдадять ю за мужь братия, како си могутъ* [Правда 1940: 1: 114].

Синкретичное образное значение ‘свободный, достойный человек — хозяин, супруг’ сохранялось у слова *мужь* и с окончанием древнерусского периода. В качестве стилистически ограниченного символического значения ‘человек, мужчина => общественная, государственная значимость, достойные деяния’ оно реализуется и в современном русском языке: «2. Мн. *мужи*. Обычно в торжественной речи. Мужчина в зрелом возрасте. <...> 3. Мн. *мужи*. Деятель на каком-либо общественном, научном поприще» [Словарь... 1950: 6: 1340]. Нейтральное понятийное значение *мужь* ‘супруг’ могло быть окончательно сформировано только после того, как в процессе разрушения синкретичного образа произошла дифференциация семем и были образованы словообразовательными средствами специальные но-

минации для полового и сословного аспектов образа — *мужчина* и *мужик*. Слово *мужчина* появилось в старорусском языке, его первая письменная фиксация относится, по словарю, к XVI веку: *Они же со женою, а не с мужчиною стоят*. Дм., 75. XVI в. [Словарь... 1975: 9: 305].

Слово *моужикъ* имеет внутреннюю форму ‘маленький муж’, в древнерусском языке (XI—XIV вв.) оно отмечено в единственном примере в переводном тексте: *Чювьство сластьное предъль имъеть до моужика и до гортани, прешедъше же предъль, нъ разньства ядомому, но вса равна ѡствоу на гнои премъняющую (μῆχοι τῆς ὑπερφᾶς)* Пч. к. XIV в. [Словарь... 1988: 5: 38]. Соотнести внутреннюю форму слова и его употребление в приведенном контексте затруднительно: словарь предлагает в данном случае толкование «небо», однако это не вполне точно. Греческое *ὑπερῶα* ‘небо’ связано с прилагательным *ὑπερῶος* и буквально означает ‘верхнее, то, что наверху’ [Вейсман 1899: 1285]. Однако в приведенном примере речь идет не о небе в широком смысле, а о так называемом мягком небе, точнее об определенной его части — о язычке, который представляет собой границу (*предъль*) ротовой полости. Именно прикосновение к язычку мягкого неба вызывает рвотный рефлекс и прерывает принятие пищи. Следует думать, что переводчик точно уловил физиологический смысл приведенного описания и подобрал славянское слово с соблюдением предметной точности. При этом выбор славянской номинации, которая представляет собой семантический гапакс, не может быть обусловлен греческим аналогом, так как исходная внутренняя форма греческого слова — ‘верхнее’ — не содержит необходимой мотивированности.

Употребление слова *моужикъ* для обозначения язычка мягкого неба отражает образно-символическую мотивированность, однако маловероятно, что подобная мотивированность реализуется окказионально, применительно к единичному переводу. Регулярность подобной мотивированности подтверждается переносными значениями слова *мужик*, зафиксированными в русских говорах. Помимо обозначения самцов различных животных, слово использовалось в составе составного наименования: «Мужик-корень. 1. Растение *Euphorbia Pallasii* <...>; молочай. <...> 2. Растение *Passerina stelleri*» [Словарь... 1965: 18: 333–334]. И кроме того, у слова *мужик* зафиксировано значение «левый загнутый сошник сохи» [Словарь... 1965: 18: 333], однако более точное толкование в данном случае указывает В.И. Даль: «левый сошник косули, служащий отрезом, а правый *женка*, отворачивает пласт» [Даль 1863: 2: 952]. Косуля — особый вид несимметричной сохи, она отличалась тем, что «левый ральник сохи-односторонки, отрезывавший пласт сбоку под прямым углом, был перенесен у косули вперед и представлен в ином виде — в форме длинного ножа» [Кичигин]. Таким образом, во всех рассмотренных случаях метафорического переноса (‘язычок’, ‘корень’, ‘сошник’) слово *мужик* могло обозначать длинный за-

остренный предмет. Сопоставление древнерусского и диалектного материала позволяет утверждать, что в древнерусском языке половой аспект образа «муж», хотя и был вторичным по происхождению и по реализации в письменных памятниках, но обладал несомненным метафорическим потенциалом в обыденном языке: признаки ‘длинный’ и ‘острый’, эксплицируемые при номинации тех или иных бытовых предметов, воспринимались как признаки маскулинности в пределах синкретичного образа. Указанный аспект выделялся при помощи деривата с уменьшительным суффиксом и в общеславянском языке: об этом свидетельствуют особые значения формы **m žikъ* в некоторых славянских языках: чеш. ‘снопы, поставленные в форме конуса; растение’, ст.-польск. ‘мандрагора’ [Этимологический... 1974: 19: 157].

Однако несмотря на указанный семантический потенциал, слово *му-жикъ* в период после XIV века, в старорусском языке, реализовало прежде всего не половой, но сословный аспект исходного образа «муж». Термин *му-жикъ* ‘земледелец’ стал заменой более раннего, древнерусского и общеславянского, слова *смердь*, подробная история которого требует отдельного исследования. Ср. *смердь* в значении ‘земледелец’ в древнерусской летописи в погодной записи 1103 года: *И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко «Негодно нынѣ веснѣ ити, хочем погубити смерды и ролю ихъ». И рече Володимерь: «Дивно ми, дружино, оже лошадии жалуете, юю же кто ореть, а сего чему не промыслите, оже то начнет орати смердь, и прихавъ половчинъ оударитъ и стрѣлюю, а лошадь юго поиметь, а в село юго пхавъ иметь жену юго и дѣти юго и все юго имъне. То лошади жалъ, а самого не жал ли* [Повесть... 1996: 118]. Приведенный контекст показывает, что древнерусский *смердь* — это сельский житель, занимающийся аграрным трудом, обладающий определенным имуществом, хозяйством и являющийся объектом защиты со стороны князя и воинского сословия.

Степень социальной свободы древнерусского смерда остается предметом дискуссий. В Русской Правде противопоставление свободного человека (*моужа*) и *холопа* юридически подтверждалось тем, что за *холопа* не предусматривалась вира, штраф за убийство: *а в холопѣ и в робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины оубиенъ, то за холопѣ оуроукъ платити или за робу* [Правда 1940: 1: 114]. Однако Русская Правда устанавливала статус прежде всего городских жителей. Вира за убийство сельских жителей устанавливалась отдельно, и она была сниженной: *Аще оубьють огнищанина въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ <...> А иже оубьють огнищанина в разбои, или оубища не ищоуть, то вирное платити <...> А въ сельскомъ старость княжи и в ратаиньмъ 12 гривенъ. А в радовници княжь 5 гривенъ. А въ смердь и въ холопъ 5 гривенъ* [Правда 1940: 1: 71–72]. Таким образом, *смердь* оказывается одной из замыкающих номинаций в ряду «мужей», то есть свободных людей, за убийство которых назначается де-

нежный штраф (ср. выше начало Русской Правды: *аже оубьеть моужь моужа*). Однако в приведенном фрагменте вызывает недоумение и дискуссию упоминание холопа, вира за которого отрицалась другими статьями Русской Правды. Такое противоречие может быть объяснено сопоставлением различных списков этого юридического произведения. В Археографическом I списке (Краткая Редакция) сословный ряд завершается следующим образом: *А в радовницъ княжи 5 гривенъ. А въ смьрды в холопъ 5 гривенъ* [Правда 1940: 1: 80]. Такое же выражение *смьрды холопъ* можно видеть и во многих списках Пространной Редакции Русской Правды [Правда 1940: 1: 105, 124, 150, 169, 247, 330, 372, 408, 409]. Следует предположить, что в рассмотренной статье подразумевается не обычный холоп, но работник, которого приравнивали к сельскому жителю, в определенной степени свободному.

В любом случае, *смьрдъ* не мог восприниматься в древнерусском контексте как полноценный *моужь*. Сопоставление статей Русской Правды позволяет видеть своеобразную трехуровневую сословную градацию древнерусских *музей*. Стандартная вира — сорок гривен — выплачивалась за обычного свободного горожанина — за *людина*. Повышенная, удвоенная, вира платилась за знатного *мужа*, для обозначения этой категории в Русской Правде используются термины *кѣнажь моужь* или *огнищанинъ*. Кроме этого, в других текстах представлен чрезвычайно широкий ряд определений, фиксирующих знатный статус: «*Мужи большие, великие, вящие, добрые, избранные, лепшие, лучшие, нарочитые, передние, старьшиие* [Словарь... 1975: 9: 300]. Наконец, существовала сословная группа, в отношении которой была установлена сниженная вира; сюда, видимо, относились сельские жители — см. цитату выше. Такие люди воспринимались как неполноценные, «маленькие» *моужи*, следовательно, именно к ним мог быть применен новый сословный термин — *моужикъ*.

Возможность употребления слов *моужь* и *смьрдъ* по отношению к одному социальному контексту подтверждается еще одним примером из Русской Правды: *Аже смьрдъ оумреть, то задницю князю, аже будутъ дщери оу него дома, то даяти часть на нь, аже будутъ за мужемъ, то не даяти части имъ* [Правда 1940: 1: 114]. Впрочем, даже в этом случае нет прямого отождествления *смьрда* и *моужа*, поскольку у второго слова реализуется синтаксическая модель, указывающая на семейный аспект синкретичного образа. Но слово *моужь*, как уже отмечалось выше, не было выражением понятия с его четко очерченными границами. При неизбежном расширении образа *моужа* на периферии этого термина оказывались категории лиц, в отношении которых сами жители Древней Руси не имели уверенности в их сословной принадлежности. О такой неуверенности свидетельствует указанное варьирование в списках Русской Правды и фактическое отождествление в определенных случаях статуса *смьрда* и *холопа*.

Характеристики и границы синкретичного образа уточнялись в конкретных ситуациях, ср. еще: *А за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ. А за смерди холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ. А за кормица 12, тако же и за кормилицю, хота си буди холопъ, хота си роба* [Правда 1940: 1: 105]. Такая неопределенность не может не вызывать затруднений у современных исследователей, ожидающих от юридического текста понятийной точности, но не находящих ее. А в древнерусском языке для указания на размытость образной периферии концепта свободного человека использовали сословный термин, образованный от того же корня, но ограниченный словообразовательными средствами, — *мужикъ*.

Широкое распространение слово *мужикъ* в значении ‘земледелец’ смогло получить только после того, как сделался устаревшим прежний термин — *смердъ*. Такие изменения произошли в старорусском языке, в котором слово *смердъ* приобрело ярко выраженную отрицательную коннотацию: «простой, грубый, неотесанный человек» в источнике XV в. по списку XVI в. [Словарь... 1975: 25: 158]. Процесс замены термина *смердъ* термином *мужикъ* можно наглядно видеть в памятнике письменности XV века — в Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород, составленной в 1472 году. Это одна из первых письменных фиксаций сословного значения слова *мужикъ*: *И тако възмается весь град их, и възкольбашася, яко пьяни <...> Тъм же измънници начаяши наимовати худых мужиков въ вьчников, иже на то все готови суть по их же обычаю. И приходящи на вьче их, и звоняху за все колоколы, и кричаще <...> И велико неустроение бяше в них, и меж себе ратахуса, сами на ся възстающе. Мнози же от них: старии посадници, и тысяцкие, и лучшие люди, такоже и житии люди <...> То же слышевшие новгородстии людие, бояре их, и посадници, и тысяцкие, и житии люди, котори не хотяще первого своего обычая и крестнаго цълования преступити <...> А предречени Исаковы дъти <...> наимоваху злых тѣх смердовъ, убищъ, шилников, и прочих безименитых мужиков, иже скотем подобни суть, ничтоже разума имущих, но точию едино кричание, иже и безсловесная и животьная не сице рыцаху, якоже они новгородстии людие, невъгласи, осподарем зовяху себѣ Великим Новым городомъ. И ти приходяще на вьче, бяху в колоколы, и кричах, и лаяху, яко пси* [Библиотека... 1999: 288–290].

Выводы. Приведенный здесь обширный фрагмент демонстрирует социальные противоречия, эксплицируемые как традиционными древнерусскими терминами, так и новыми старорусскими номинациями. Как и в Русской Правде, противопоставление сословных групп реализуется в ситуации града, в ситуации вечевой демократии. *Лучшие* и *житии люди* (древнерусские *моужи*) противопоставлены здесь *худым мужикам*, которые далее определяются как *безименитые мужики* и включают в себя *смердов*. *Лучшие мужи* хранят верность присяге (*крестному цело-*

ванию), *худые мужики* оказываются изменниками. Можно видеть в контексте трансформацию древнерусской трехчленной оппозиции: для общего обозначения свободных людей используется замена *мужи* → *люди*, для пограничного сословия замена *смерды мужики*. В рассмотренной ситуации *мужики* ‘«не совсем» мужи’ претендуют на то, чтобы быть частью категории *новгородстии людие*, но автор «Повести...» сомневается не только в их принадлежности к свободным людям, но и в их принадлежности к людям вообще. В приведенном контексте слово *мужикъ* оказывается основным наименованием низшей сословной группы, в то время как прежний термин *смерд* используется прежде всего в качестве экспрессивного средства и включен в ряд других явно коннотативных обозначений. Использование в этом контексте выражений, которые должны рассматриваться как бранные, объясняется «спецификой политической, экономической, социальной жизни в переходный <...> период» [Маркина 2019: 158].

Дальнейшая история слова *мужикъ* связана с его распространением в качестве нового сословного термина и с изменением его номинативных качеств и коннотативных признаков в современном русском языке.

Источники

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. 581 с.

Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука: СПб. изд. фирма, 1996. 667 с.

Правда Русская: В 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940–1963.

Литература

Вавилонская Башня: Проект этимологической базы данных. URL: <https://starlingdb.org/indexru.htm> (дата обращения: 17.03.2022).

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб.: изд. авт., 1899. 1370 стб.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: ГИС, 1958. 1904 с.

Кичигин М.И., Иванов А.Л. Косуля, ее устройство и виды // Владимирское ополье: Историко-хозяйственный очерк. URL: http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/selskoe_khozjajstvo (дата обращения: 17.03.2022).

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.

Маркина Л.В. Бранные формулы как средство выражения вербальной агрессии в диалектной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 157–162.

Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом. URL: <http://superbook.org/UBS/index.htm> (дата обращения: 17.03.2022).

Септуагинта. Подстрочный перевод Ветхого и Нового Заветов на русский язык. URL: <https://manuscript-bible.ru/greek.htm> (дата обращения 17.03.2022).

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1988—...

Словарь русских народных говоров. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965—.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975—.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-ва Акад. наук СССР, 1950–1965.

Старославянский словарь (По рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1993.

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974—.

Якушевич И.В. Символ «кошка»: языковая реализация в диалектной лексике и русских фольклорных текстах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (144). С. 171–177.

Beekes R.S.P. (Robert Stephen Paul). Etymological dictionary of Greek / by Robert Beekes; with the assistance of Lucien van Beek. Leiden; Boston: Brill, 2010. 1808 p.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch: Band I. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960. 938 p.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München: Francke verlag, 1959. 1183 p.

References

Istochniki

Biblioteka literatury Drevnej Rusi (1999) [Library of Literature of Ancient Russia]. Т. 7: Vtoraya polovina XV veka. Sankt-Peterburg: Nauka. 581 p.

Povest' vremennyh let (1996) [The Tale of Bygone Years] / Podgot. teksta, per., st. i komment. D.S. Lihacheva; Pod red. V.P. Adrianovoj-Peretc. Sankt-Peterburg: Nauka: S.-Peterb. izd. firma. 667 p.

Pravda Russkaya: v 3 t. [Russian Truth] / Akad. nauk SSSR, In-t istorii; pod obshch. red. B.D. Grekova. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1940–1963.

Literatura

Vavilonskaya Bashnya: Proekt etimologicheskoy bazy dannyh [Babel Tower: Etymological Database Project]. URL: <https://starlingdb.org/indexru.htm> (accessed: 17.03.2022).

Vejsman A.D. (1899). *Grechesko-russkij slovar'* [Greek-Russian Dictionary]. Sankt-Peterburg: izd. avt. 1370 stb.

Dal' V. I. *Tolkovnyj slovar' zhivogo velikoruskogoazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Ch. 1–4. Moscow: O-vo lyubitelej ros. slovesnosti, uchr. pri Imp. Mosk. un-te, 1863–1866.

Dvoreckij I.H. (1958). *Drevnegrechesko-russkij slovar'* [Old-Greek-Russian Dictionary]. Moscow: GIS. 1904 p.

Kichigin M.I., Ivanov A.L. Kosulya, eyo ustrojstvo i vidy [Roe deer, its structure and types]. In: *Vladimirskoe opol'e: Istoriko-hozyajstvennyj ocherk*. URL: http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/selskoe_khozajstvo (accessed: 17.03.2022).

Kolesov V.V. (2002). *Filosofiya russkogo slova* [The philosophy of the Russian word]. Sankt-Peterburg: Yuna. 444 p.

Markina L.V. (2019). Brannye formuly kak sredstvo vyrazheniya verbal'noj agresсии v dialektnoj kommunikacii [Swear formulas as a means of expressing verbal aggression in dialect communication]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 7 (140). Pp. 157–162.

Novyj Zavet na grecheskomazyke s podstrochnym perevodom [New Testament in Greek with interlinear translation]. URL: <http://superbook.org/UBS/index.htm> (accessed: 17.03.2022).

Septuaginta. Podstrochnyj perevod Vethogo i Novogo Zavetov na russkijazyk [Septuagint. Interlinear translation of the Old and New Testaments into Russian]. URL: <https://manuscript-bible.ru/greek.htm> (accessed: 17.03.2022).

Slovar' drevnerusskogoazyka (XI–XIV vv.) [Dictionary of the Old Russian language (11–14th centuries)]. Moscow: Russkijazyk, 1988–.

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow: Nauka; Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1965–.

Slovar' russkogoazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries]. Moscow: Nauka, 1975–.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogoazyka [Dictionary of modern Russian literary language]; v 17 t. Moscow; Leningrad: Izd-va Akad. nauk SSSR, 1950–1965.

Staroslavjanskij slovar' [Old Church Slavonic dictionary] (*Po rukopisyam X–XI vv.*) (1994) / Pod red. R.M. Cejtlin, R. Večerki, E. Blagovoj. Moskva: Russkijazyk. 842 p.

Fasmer M. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]: v 4 t. Moscow: Progress, 1986–1987.

Chernyh P.Ya. (1993). *Istoriko-etimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]: v 2 t. Moskva: Russkijazyk.

Etimologičeskij slovar' slavyanskih jazykov: praslavyanskij leksičeskij fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund]. Moskva: Nauka, 1974–.

Yakushevich I.V. (2020). Simvol „koshka“: yazykovaya realizaciya v dialektnoj leksike i russkih fol'klornyh tekstah [The symbol „cat“: language implementation in dialect vocabulary and Russian folklore texts]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*. № 1 (144). Pp. 171–177.

Beekes R.S.P. (Robert Stephen Paul) (2010). *Etymological dictionary of Greek* / by Robert Beekes; with the assistance of Lucien van Beek. Leiden; Boston: Brill. 1808 p.

Frisk H. (1960). *Griechisches etymologisches Wörterbuch*: Band I. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. 938 p.

Pokorny J. (1959). *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke verlag. 1183 p.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 14.05.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 14.05.2022; accepted for publication 23.05.2022.

Сведения об авторе

Алексеев Александр Валерьевич — доктор филологических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; Институт гуманитарных наук; кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин; доцент; научные интересы: историческая грамматика, историческая лексикология.

Information about the author

Alekseyev Alexander Valerievich — Doctor of Philology; Assistant Professor; Moscow City University; Institute for the Humanities; Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines; Assistant Professor; scientific interests: historical grammar, historical lexicology.